
звездный тандем российского детектива

Читайте романы мастеров закрученного сюжета

Анны и Сергея Литвиновых:

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Исповедь черного человека
Семейное проклятие
Вне времени, вне игры

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вождения №1
Оскар за убойную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернутся не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания, многие печали
Вне времени, вне игры

Сериал «Паша Синичкин, частный детектив»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

звездный тандем российского детектива

**Многие знания -
многие печали**

**•
Вне времени,
вне игры**

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л 64

Оформление серии *С. Груздева*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л 64 Многие знания — многие печали ; Вне времени, вне игры : повести / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2014. — 320 с.

ISBN 978-5-699-74042-0

«Многие знания — многие печали»

Лидия... Художник Кирилл Баринов давно забыл о ней, ведь их короткий роман закончился, когда они были студентами. Но странные пугающие события заставили его вспомнить о временах своей юности: Баринов случайно узнал, что все его институтские друзья не так давно умерли... Опасаясь за свою жизнь, Кирилл обратился к экстрасенсу Алексею Данилову. Выслушав сбивчивый рассказ клиента, Данилов сразу догадался: потусторонние силы тут ни при чем. Есть человек, который не просто пожелал зла старым товарищам Баринова — он убил их, пусть и не своими руками. Рядом с каждым из них незадолго до гибели оказывалась женщина, и Алексей понял: он должен отыскать бывшую возлюбленную художника...

«Вне времени, вне игры»

Игорь Сырцов считал себя баловнем судьбы. В восемнадцать лет стать центрфорвардом футбольной сборной! Пареньку, еще совсем недавно гонявшему мяч на стадионе провинциального городка, и не снилось столь высоко взлететь! И так быстро упасть с олимпа... Неизвестные избili его прямо в центре Москвы, Сырцов чудом остался жив... Варвара Кононова неохотно взялась за это дело — футбол она никогда не любила. Ясно было одно: нападение было тщательно спланировано. Но кому помешала восходящая звезда и надежда российского футбола? Придется Варваре отправляться в городок, откуда приехал Игорь, — именно туда ведут следы этого непонятного и совершенно нелогичного преступления. А напарником Вари стал столичный журналист Андрей Тверской, юный и горячий...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-74042-0

© Литвинов С.В., Литвинова А.В., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2014

1. Многие знания – многие печали

Алексей Данилов

Сименс меня предупредил, что этот клиент будет сложным. Или особо сложным. Только чтоб выслушать его, понадобится несколько сеансов. Если, конечно, я возьмусь за него.

И вот он передо мною. Зовут Кирилл Павлович Баринов. Как явствует из визитной карточки, художник. Больше никаких данных, кроме телефона, на визитке не указано. Никаких регалий, на которые горазды иные: «Член союза художников, союза дизайнеров, академик такой-то академии, лауреат сякой-то премии». Тоже гордыня своего рода: считать, что он настолько хорошо известен, что его станут узнавать только по имени. Но я, к примеру, слышал его фамилию первый раз. Надо будет почитать о господине Баринове в Интернете. Если я, разумеется, буду заниматься его делом.

На вид Кириллу Павловичу лет сорок с небольшим. Впрочем, реально наверняка больше. Просто следит за собой. О, это большая редкость в нашем обществе: мужик, следящий за собой. (Я имею в виду: настоящий мужик, не гомосексуалист.) Лишнего веса нет. Стройный, как юноша. Длинные, почти до плеч, тронутые сединой, стильно постриженные волосы. Бородка. Джинсовая куртка. Моя бабушка сказала бы в его адрес с осуждением: «Молодится». Однако

бабушки нет на свете, а отношение к представителям сильного пола, которые следят за собой, в обществе потихоньку становится другим. Они по-прежнему белые вороны, но кое у кого вызывают уважение. У меня, к примеру, вызывают.

Внешне мой гость напоминает мушкетера. Но, разумеется, не из первой части трилогии Дюма. Скорее, одного из героев «Двадцати лет спустя». Или даже «Виконта де Бражелона». А вот кого конкретно? Не д'Артаньяна, понятно. Тот слишком для моего визитера сексуален, сангвиничен и прямолинеен. Портос — тоже другой, он чрезмерно толст и флегматичен. Значит, либо Арамис, либо Атос. А кто из них — посмотрим дальше.

— Что вас привело ко мне? — участливо спросил я.

Хороший доктор первым делом обычно спрашивает: «На что жалуетесь?» Я начинаю по-другому. Мой стиль отличен от врачебного. Я ведь не лекарь. Не колдун-шарлатан. И не гадалка. Не астролог. И не частный детектив. Однако я людям помогаю. Иначе бы они не стояли ко мне в очереди по несколько месяцев. И не интриговали в поиске знакомых и связей, чтобы обойти хвост. «Что вас привело ко мне?» — подходящий вопрос для столь востребованного специалиста, как я.

— Мне страшно, — отвечал на первый вопрос визитер.

«Вероятно, — подумал я, — он пришел не по адресу, надо направить его к знакомому психотерапевту. Ну, и слава богу».

Я люблю свою работу, но, как и все, не люблю начинать новое дело. Мое подсознание вечно всячески от него отлынивает, цепляется за увертки и отмазки.

— Люди обычно боятся чего-то. Или кого-то, — произнес я. Свои тугрики за визит я все равно отработать должен. Да так, чтобы клиент почувствовал пользу.

— Я не очень понимаю, чего конкретно боюсь. С одной стороны, вроде бы ясно чего: смерти. Вы скажете, не мудрено, годы-то какие: пятьдесят с хвостиком. В Средние века, да и во времена Мунка с Ван Гогом это считалось глубокой старостью. Пора убираться.

— Выглядите вы прекрасно, — развел я руками. Легкая лесть входит в комплекс моих услуг. Клиент должен выйти от меня с лучшим настроением, нежели то, с каким пришел. Иначе он не расскажет своим друзьям и знакомым обо мне ничего хорошего. Несмотря на разгул рекламы и пиара, у нас в обществе до сих пор правит бал общественное мнение. Иначе говоря, все решает репутация. А она создается слухами.

— Да, пожить еще хотелось бы... Но тут, знаете ли, такая ситуация... С одной стороны, забавно рассказывать... А с другой — реально непонятно, что происходит.

— Не волнуйтесь. Уверен, что бы вы мне ни поведали — эти стены еще и не такое слышали. И, замечу, за их пределы ничего из сказанного здесь никогда не выходило.

— Понимаете, когда-то, много лет назад, я был в одной компании... Впрочем, компанией это назвать трудно. Мы тогда работали в одной бригаде стройотряда. Вы знаете, что такое стройотряд?

— В общих чертах.

Он все-таки пояснил:

— В советские времена это была распространенная форма организации студентов. Летом стройотряды обычно выезжали в Сибирь, на Урал, на БАМ. Иногда в Астрахань, собирать арбузы. Или в Нечерноземье — коровники строить. Кое-кто и в Москве, Подмосковье трудился. Стройотряды, вопреки распространенному сейчас мнению, не были обязательной. Хочешь — езжай. Нет — отправляйся в студенческий лагерь в Крым, купаться, лопать абрикосы, пить портвейн. Или — на деревню к бабушке. Однако платили в стройотряде круто. Поэтому туда многие стремились. Я в том отряде, о котором пойдет речь, заработал больше тысячи рублей. За два с небольшим месяца. Столько в Советском Союзе получали только академики. Ну, еще генералы. И генералы от искусства, — он хмыкнул. — Художники, писатели, скульпторы — из официально признанных, разумеется. Те, кто имел постоянные заказы.

Мне самому немногим за тридцать, и советские времена я практически не застал. Однако растили меня люди из тех времен. Точнее, все насквозь пропитанные теми временами. Поэтому своим предисловием посетитель мне Америки не открыл. Помнится, и отец покойный что-то про стройотрядную юность рассказывал.

— Я свою рабочую биографию начал после первого курса, — продолжал визитер. — То был совершенно особый год. Одна тысяча девятьсот восьмидесятый. Особенное лето.

— Олимпиада, — понимающе кивнул я.

— Да! Московская Олимпиада! Столицу тогда прихорашивали-принаряживали. А в рамках подготовки к играм — отправляли за тридевять земель, на прак-

тику и в стройотряды, всех иногородних студентов. Тогда нам даже экзамены перенесли: летнюю сессию сдавали в мае. И вступительные экзамены в столичные вузы передвинули — с июля на конец августа. Все для того, чтобы как можно меньше непроверенного молодого контингента шло по Белокаменной. А места в общагах заняли специально подготовленные люди из провинции: туристы из всех уголков СССР (как нам говорили). Но, главным образом, думаю я, в общаги селили провинциальных кагэбэшников, мильтонов, дружинников, оперотрядовцев. Огромные массы перемещались по стране, все пришло в движение, чтобы обеспечить Москве олимпийской тишь да гладь, да божью благодать. Надежные — в столицу, сомнительные — прочь из города. Я тоже из Первопрестольной в то лето смотался. Хотя и был коренным москвичом, а не каким-то понаехавшим... Извините! — вдруг спохватился он. — Слишком долгое предисловие. Это непроизвольно. Наверно, оттого, что мне не слишком приятно рассказывать суть дела.

Вы знаете, — он вдруг перескочил на другую тему, — компании, которые складывались в стройотрядах, обычно были не структурированы. Они быстро разваливались, о них скоро забывали. С теми, с кем *учился* — в одном классе, в одной группе, на одном курсе, — обычно не так. С ними и подружиться легче — когда ты учишься бок о бок пять или шесть лет, экзамены сдаешь, лабораторки спихиваешь. Потом, во взрослой жизни, студенческое содружество сохраняется. И встречи выпускников бывают через десять лет, двадцать, двадцать пять. Я хоть подобные посиделки не слишком люблю, но все равно, когда начинается подготовка сбора, на тебя обязательно выходят ка-

кие-нибудь девушки — вы замечали, что организуют встречи выпускников обычно девушки? Это оттого, что у них чаще, чем у нас, личная жизнь не складывается. А также энергии в запасе больше — для того, чтобы совершить новую попытку эту жизнь наладить... И даже если не придешь сам на вечер встречи, все равно по ходу дела можно расспросить о тех, кто тебя интересует: а где такой-то? А такая-то?

Он говорил и на глазах успокаивался — это было заметно. Скорее, из мушкетерской четверки — он нервный меланхолик Арамис. Да и профессия этому характеру соответствует.

— Со стройотрядными друзьями все иначе. Там обычно ребята-девчонки с разных курсов сходятся. Поработаешь с ними одно лето, и до свиданья. Потом только в коридорах руки пожимаешь. Или они совсем пропадают. И не видишь их, и не знаешь о них ничего... Так вот, приступаю, наконец, к главному. Недавно я узнал о бригаде, с которой работал в то олимпийское лето на стройке в Сибири. И знаете что? — Он сделал паузу, тяжело вздохнул и безнадежно махнул рукой. — Их, кроме меня, было шестеро. И все они — умерли. Причем все по-разному. За последние два-три года. Я остался последний, седьмой. Поэтому у меня сразу два вопроса возникло. Не знаю: к вам, не к вам? Может, к самому себе. Или, скорее, к судьбе. Вопрос первый: почему — они? Чем эти шестеро связаны, кроме того лета? И второй: почему ребята скончались вдруг сейчас?

— А вы за эти годы встречались с ними?

— В том-то и дело, что нет! За эти тридцать с небольшим лет — ни разу, кроме как с одним. Впрочем, с ним, последним, тоже нехорошо вышло...

Кирилл Баринов

Месяцем ранее

Я был рад видеть Антошу, он нашел меня и позвонил спустя тридцать лет, как мы виделись последний раз. Мы договорились встретиться в кафе, и я ждал его, честно признаюсь, с определенным внутренним содроганием. Я помнил молодого, веселого, сильного, куражливого человека, явно не дурака выпить. Кем-то он предстанет передо мной сейчас? Как прошлась по нему затейница-жизнь, какими своими колесами и гусеницами?

— Привет, старичок! — Слава богу, Антон был узнаваем. Да, поредели и поседели волосы, мешочки появились под глазами, лицо прорезали морщины, природную плотность сменил очевидный животик — но это был он, Антоха Марцевич, и, столкнусь я с ним без подготовки на улице — я бы его узнал.

— Ты совсем не переменялся, — молвил он, облапив меня своим медвежьим объятием.

— Хватит врать! — воскликнул я. По совести, я употребил другой, мало приличный синоним слова «обманывать» — вообще-то я не люблю бытового мата, но тут, при встрече с другом из стройотрядной юности, он вырвался у меня сам собой.

— Ладно, ты не девочка, чтоб говорить тебе комплименты, — сказал Марцевич, усаживаясь за столик. — Да, старичок, ты сильно похудел, хе-хе, но возмудел, — повторил он шутку из нашей юности, — точнее, похудел, но возмужал. Как тебе удастся держать форму?

— Будем обсуждать мою диету? Или закажем что-нибудь? Что выпьем за встречу? Коньячка? Или ты по нынешним капиталистическим временам предпочитаешь виски? Кальвадос? Джин?

— Ничего, — погрустнел Антоша.

— Как скажешь, я тоже не большой любитель. Может, чисто символически, за встречу, по пятьдесят граммов?

— Нет, старичок, ты не понял. Я ничего не буду. Я в строгой завязке.

— Ладно. Дело хозяйское.

— Зато много ем, — через силу улыбнулся Марцевич, — а как покушаю — добрею и веселею. Если разобратся, в свиной отбивной с картошечкой содержатся те же самые эндорфины, что в вине.

— И давно ты постишься? — спросил я сочувственно.

— В этот раз уже год и семь месяцев, — сказал он с оттенком гордости. «Значит, были и другие разы», — жалея друга, подумал я.

Потом начался довольно сумбурный разговор — как ты, как я? Он сказал, что следит за моими успехами и даже один раз приходил на мою выставку. А его жизнь в кратком пересказе напоминала синусоиду, восходящие участки которой приходились на времена, когда он бывал в «жесткой завязке», а нисходящие, когда срывался. Я позавидовал его упорству в борьбе с самим собой: подумать только, в третий или в четвертый раз в жизни снова вскарабкиваться на вершину! О том, что участок был восходящий, свидетельствовало то, что Антон был полон самых радужных планов, кипел энергией: «В меня сам Раенко поверил, снова взял к себе! Офис на Ордынке, кабинет отдельный! Кстати, послушай, а давай твою выставку у нас в офисе устроим? Денег не обещаю, но слава! К нам, знаешь, и члены правительства приходят, и из Думы депутаты бывают, и из Совета Федерации! Не говорю

уже о бизнюках! Закажут тебе свои портреты!» — «Да я портретов не пишу». — «А что пишешь?» — «Натюрморты, пейзажи, иллюстрации книжные». — «Ничего, напишешь пейзаж на заказ». Он был напорист, и я дал неопределенное согласие.

Я спросил его — но не потому, что очень хотелось знать, а скорее для поддержания разговора — количество общих тем катастрофически таяло:

— Как там наши?

И вот тут он погрустнел, посуровел и проговорил:

— Вот за этим я с тобой и хотел встретиться. Если под «нашими» ты имеешь в виду ребят, с которыми мы в стройотряде «Зурбаган-восемьдесят» работали, то они — все умерли.

Я вздрогнул:

— Как — все?

— Не весь отряд, конечно. Всего нас, если помнишь, там человек сто двадцать было. А вот из бригады, где мы с тобой, старичок, работали, — скончались все. Кроме меня и тебя. — И он поскуцневшим голосом начал перечислять: — Пойдем по порядку. Бригадир, Петр Горланин, по кличке Пит. Самое смешное, что он Питом в конце концов стал. Ну, или Питером. Еще в восемьдесят девятом Горланин эмигрировал в США. Долго там пробивался, начинал с посудомойщика, но пробился, и давно, лет пятнадцать как. В последнее время преподавал в нью-йоркском Королевском университете, постепенно дослужился до профессора. Полный фарш, как теперь говорят: вторая жена красавица, две дочки, свой дом в штате Коннектикут. Он оттуда на работу в Нью-Йорк ездил — сорок минут. Чаще на электричке, но порой и на авто. Да не каждый день, счастливчик! Но вот од-